

ТАНЯ ВИНК

ТАНЯ ВИНК

ЗАБЕРИ МЕНЯ С СОБОЙ

Катя работает на знаменитом харьковском рынке «Барабашово». Она мечтала стать врачом, но судьба распорядилась иначе. Умер отец, не чаявший души в дочери, а с матерью Катя не ладила. В медицинский девушка так и не поступила, зато в приемной комиссии института встретила свою любовь — Юру. Тогда ей казалось, что это на всю жизнь, однако влюбленные разлучаются... Катя знакомится с мужчиной, так похожим на покойного отца: сильным, надежным, за таким — как за каменной стеной. У нее будет ребенок — и снова все рухнет. Что ждет Катю? Боль, разочарование, одиночество? Или все-таки счастье?

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-4983-7



9 786171 249837

ЗАБЕРИ МЕНЯ
С СОБОЙ

2

Таня Винк



ЗАБЕРИ МЕНЯ
С СОБОЙ

РОМАН

ХАРЬКОВ  КЛУБ
2018  СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.1(477)
В48



Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайн обложки агентства «Тим+»

ISBN 978-617-12-4983-7

- © Винник Т. К., 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2018

В память о Славне

ГЛАВА 1

Нет, мама не изменит своего решения! Не изменит. Она все делает по-своему. Потому что она всегда так делает. Ошеломленная этой простой мыслью, внезапно вспыхнувшей в голове, Катя остановилась и только теперь обнаружила, что ее любимые туфельки облепила маслянистая грязь, что грязь уже добралась до колготок, но ее это совсем не расстроило, как и то, что туфельки отяжелели и соскальзывают с пяток. Она осмотрелась и наконец-то сообразила, что, задумавшись, пошла напрямую, через пустырь, а не в обход, по тротуарам. В мае, да еще после дождя, идти в школу по прямой можно только в резиновых сапогах. Но разве сейчас это важно? Сейчас важно другое — надо спасти папу. Надо бежать домой и снова просить маму не увозить его.

С неистово бьющимся сердцем, буквально выпрыгивающим из груди, Катя повернула обратно. Скользя, спотыкаясь, но сохраняя баланс с помощью тяжеленного портфеля, она спустилась с горки к детской площадке. Оставляя за собой комки грязи, минула гастроном, перебежала дорогу, снова влезла в грязь, чтобы путь срезать, — а вдруг мама уже уехала! — громко хлопнула новенькой металлической дверью и влетела в подъезд.

— Катька, чего это ты так дверями хлопаешь?! — донеслось из фанерной, недавно сколоченной будки с небольшим застекленным проемом.

В будке этой по очереди сидели Кузьминична с пятого этажа, соседка Кати по площадке, и дочка Исааковны со второго, гордо именующие себя консьержками.

— Кузьминична, — Катина ладошка прилипла к стеклу, — мама уже ушла?

Кузьминична, блондинка, которой перевалило уже за семьдесят, в прошлом гример Театра украинской драмы, сдвинула изогнутые, идеально подходящие к ее сморщенному, но какому-то совсем не старушечьему лицу брови и, подняв вверх большие карие глаза, задумчиво молвила:

— Витя с Ириной и Леночкой вышли минут через пять после тебя, потом Гришка с восьмого, он сегодня выходной, на базар пошел. За ним вышел сексопатолог. — Кузьминична устремила на Катю задумчивый взгляд, помолчала пару секунд и продолжила: — Больше никто не выходил.

— Спасибо. — Катя пошла к лифту.

— Катька, больше дверями не хлопай!

— Хорошо.

— И скажи вашей Ирине, что с людьми надо здороваться!

— Не скажу! — буркнула Катя себе под нос и нажала на кнопку вызова лифта.

Скрипнула фанерная дверь, и Кузьминична, кутаясь в большой шерстяной платок, выдвинулась из будки. Вобрав голову в плечи и косясь на консержку, Катя перетаптывалась с ноги на ногу, а та, в свою очередь, изучала ее ноги и почему-то не продолжила разговор про Ирину Петровну, хамоватую кобылу двадцати одного года от роду, жену Катиного брата. Мама почему-то называла ее по имени-отчеству, когда Ирки дома не было или когда с подружками по телефону болтала. Катя тоже Ирину не любила — дура она, и все. Живут под одной крышей почти три года, а Ирка так чужой и осталась. Более чужой, чем та же Кузьминична.

— Детка, — Кузьминична тяжело вздохнула, — ты ж грязи нанесла.

Катя насупилась и снова нажала на кнопку, хотя необходимости в этом не было — лифт уже приближался, оповещая об этом грохотом и щелчками.

— Ты что, с такими ногами в лифт войдешь? — фальцетом спросила Кузьминична, и Катя еще больше втянула голову в плечи. — Катька, я тебя спрашиваю!

«Да отстали бы вы, не до вас!» — подумала Катя. Тут распахнулись спасительные двери лифта и она, юркнув в исписанную и изрисованную от потолка до пола кабину, нажала на кнопку с цифрой «5».

Дверь своим ключом она решила не открывать и позвонила.

— Ты почему не в школе? — Мама пропустила ее в прихожую, закрыла дверь и уперла руки в изрядно похудевшие за последние месяцы бока.

Катя моргала и теребила пуговицу кофточки. Мама смотрела исподлобья.

— Что случилось?

Катя не выдержала, бросила портфель на пол и протянула руки к маме:

— Мамочка, пожалуйста, не отвози папу, не надо, пожалуйста...

Она хотела обнять маму, крепко прижаться к ней, чтобы мама тоже обняла ее, как много лет назад в Баку, когда их вывезли на бронетранспортере за пределы города и пересадили в «газель», чтобы домчать до ближайшей железнодорожной станции. Те страшные дни для Кати стали неожиданно счастливыми — мама была ласковой, внимательной, спала рядом. Витя и папа спали тут же, на диване, который специально перетасили в спальню, чтобы вместе быть. То, не такое уж и короткое время, целых три недели января, получившего название «черный», Катя запомнила и уже никогда не забудет — тот январь в считанные дни сделал ее взрослой, потому что впервые в жизни она близко видела смерть, ошеломляюще близко — прямо под их окнами убили двух ребят, она их знала. И, как это ни парадоксально, он же сделал ее счастливой, потому что впервые в жизни она ощущала единение семьи. Уже никогда она не забудет, как мама ложилась в постель рядом с ней, сунув под подушку гранату, а папа, лежа на диване рядом с Витькой, держал в руке пистолет. Держал всю ночь и всю ночь не спал. А когда мама, включив фонарик, вела Катю в туалет, он шел за ними. Это было нормально, потому что на шорох могли начать ломиться в дверь. Было нормально наглухо занавешивать окна, придвигать к входной двери комод, так как на улице шла война, вернее, разгорался армяно-азербайджанский конфликт, и люди убивали друг друга.

Катя тянулась к маме, вот уже почти обняла ее, но мама выбросила вперед руку, будто обороняясь, и потребовала:

— Прекрати!

Приказной тон отрезвил Катю и остановил слезы. Нет, она не хотела разжалобить маму, она просто не понимала, почему папа должен уехать. Вернее, почему его увезут, если он этого не хочет, — это она точно знала.

— Мама, папа не сможет без нас, — Катя прижала кулачки к груди, — он умрет без нас, понимаешь? Кто за ним будет ухаживать? Кто кормить будет? Ему же особая пища нужна! — крикнула она, запнулась и продолжила дрожащим голосом, потому что давно хотела это сказать, но боялась: — Мама, это плохо, очень плохо, —

ее голос крепчал с каждым словом, — не надо этого делать! — Последние слова она произнесла так уверенно, что испугалась своего тона. В горле мгновенно пересохло, и она шумно слотнула, а мама все это время не сводила с нее пристального взгляда.

— Катерина, я тебя не понимаю. — Мама выжидательно прищурилась.

— А что тут понимать? Забери папу домой, и все!

Глаза у мамы стали узкими, а лицо таким, будто кто-то с силой стянул на затылке ее роскошные рыжие волосы. Почувствовав надвигающуюся бурю, Катя бочком двинулась к двери в свою комнату.

— Ты что, чокнутая? — Маму будто прорвало. — На свои ноги посмотри!

Катя посмотрела, сняла туфли и хотела поставить под вешалку, но мама показала рукой на дверь в ванную.

— Вымой! Быстро! И ноги тоже! — Она буквально стреляла словами. — До экзаменов считанные дни, а ты гулять надумала! — в сердцах воскликнула она, и тут зазвонил телефон, висящий возле входной двери. — Слушаю! — крикнула она в трубку.

— Людмила Сергеевна, это Борис Аркадьевич. Когда вы приедете? — голос лечащего врача вибрировал от волнения.

— А что случилось?

— Как что? Если вы забираете Михаила Львовича, то вам пора уже здесь быть. Необходимо уладить формальности, сами понимаете. И начальник госпиталя уезжает в половине одиннадцатого. Если вы не успеете, то сегодня Михаила Львовича не выпишут.

— Но я же неделю назад оставила все документы у начальника отделения! — Люда едва не задохнулась от возмущения. — Он что, до сих пор их не подписал?

— Людмила Сергеевна, я понятия не имею, кому и что вы оставляли. Документы на выписку вашего мужа не заверены, вы должны лично явиться в госпиталь.

— Хорошо, — Люда про себя матюгнулась, — я сейчас приеду.

«Вот сволочи — снова деньги вымогают! Да сколько можно?!» Она повесила трубку.

— Катя, ты где? — Она обернулась.

Катя стояла за спиной, напряженная, плечи приподняты, в широко распахнутых глазах вопрос.

— Это из госпиталя?

Люда кивнула.

— Что случилось? — Нижняя челюсть дочери подрагивала. — Что с папой? — Ее голос сорвался на крик, и она вся подалась вперед.

— Да ничего с твоим папой! — деловито ответила Люда, бесцельно роясь в карманах халата, набитых всякой мелочевкой. — Может, мы и не уедем сегодня.

Глядя на застывшее лицо дочери, Люда думала о том, что последнее время у нее все наперекосяк, и это выбивало из привычной колеи. Еще она думала о том, что сегодня начался отпуск, в который военком отпустил ее с такой неохотой, что лучше и не вспоминать, — мол, ты всегда в мертвое время уходишь, в июле, а сейчас дел невпроворот. Она же не весь отпуск взяла, а только половину, но он сильно злился, аж весь покраснел. Завтра утром их ждут в Петербурге, в военном госпитале, что будет, если они не приедут? Место Миши сразу отдадут кому-то или не отдадут? Господи, неужели все это правда? Неужели Миша уже третий месяц не ходит, не говорит, ничего не понимает? В общем, жизнь удалась...

Катя метнулась к вешалке, наклонилась, взяла с полки мокасины и принялась обуваться.

— Мам, я поеду с тобой, — она выпрямилась, — я готова.

Люда никак не отреагировала на готовность дочери и направилась в свою комнату, все еще переваривая информацию и плохо понимая, что будет дальше. Глядя на две до отказа набитые дорожные сумки, она прижалась спиной к дверному косяку. Возможно, они сегодня никуда не поедут. Возможно, поедут. Ей не привыкать к такой ситуации — ехать или не ехать, за почти четверть века они поменяли тринадцать гарнизонов, неделями жили на чемоданах, она сама паковала вещи, сама укладывала их в контейнеры, сама встречала контейнеры, разгружала, а Миша был на службе. Да, ей не надо привыкать к дороге, к вокзалам, холоду, невыносимой жаре, временному жилью, невозможности накормить детей горячей пищей, помыться по-человечески. А сколько всего потеряно и разбито при переездах! Парадокс, но, может, поэтому она хочет снова ехать? Просто ехать и слушать стук колес, шум вокзалов, нырять в толпу, в которой никого не знает, и забываться в разговорах с попутчиками? Может, это облегчит боль, внезапно навалившееся чувство потерянности, ледящей неопределенности и ожидания непонятно чего? Странно все это — удирали из Баку и думали: вот,

теперь все будет хорошо, вот теперь осядем, обзаведемся своим жильем, купим красивую мебель и будем жить, деток на ноги ставить. И она наконец пойдет учиться и будет все знать о цветах, деревьях, разных растениях. Она даже на Кубе выращивала капусту белокочанную, а местные, да и гарнизонные дамочки только диву давались. Но все надежды рухнули. Вместе со страной, клятву которой давал Миша. Рухнув, эта страна под своими обломками похоронила его карьеру, их счастье, будущее, мир в доме. И здоровые Миши с собой прихватила...

Поезд отправляется в 19.30, значит, самое позднее без четверти семь надо быть на вокзале. Сейчас половина девятого. В госпитале она будет минут через сорок, и тогда все станет ясно.

— Мама, чего ты ждешь? — с нетерпением в голосе спросила Катя — Люда и не заметила, когда дочка подошла к ней.

— Вот что, Катерина, я еду в госпиталь, а ты давай в школу.

— Мама, не говори так... — В глазах Кати слезы. — Не говори... — Она мотнула головой. — Так нечестно... Я хочу к папе! — И она заплакала в голос. — Пожалуйста, прошу тебя...

— Это бесполезно, — Люда открыла шкаф, — твой отец ничего не понимает, — она принялась расстегивать халат, — а у тебя скоро экзамены.

Люда сняла с плечиков костюм, подойдя к окну, присмотрелась — еще ничего, вполне можно носить, а ведь костюму этому уже шесть лет. Целых шесть лет... Она купила его в Баку за месяц до отъезда. Такой же костюм был на соседке с четвертого этажа, когда ее из окна выбросили. Люда надела юбку, кофту, быстро провела расческой по волосам, мазнула помадой по губам и торпливо вышла в коридор.

— Мама, я к папе хочу! — сквозь слезы крикнула Катя.

— Давай без истерик, у меня и так сил нет. — Люда рылась в сумочке в поисках паспорта — без него на территорию военного госпиталя не пропустят, даже если тысячу раз уже проходил.

Оба паспорта, ее и Миши, лежали в кармашке, там же билеты и деньги. Последние деньги. Люда сунула ноги в туфли.

— Может, придется сдать билеты и купить другие, на завтра, — растерянно молвила она, все еще плохо соображая, что делать, потому что последнее время малейшее нарушение расписания вселяло в нее панику.

— Давай я сдам, — предложила Катя.

Ей хотелось сдать билеты и чтоб мама их больше никогда не покупала. «Сдать надо обязательно», — подумала Катя — они не могли выбрасывать деньги на ветер. Правда, билеты купил папин друг, Иван Андреевич, он сказал, что папа однажды жизнь ему спас, но папа про это говорить не любит. Мама работает в военкомате, в финотделе, зарплата у нее мизерная. Есть еще папина пенсия, но она вся уходит на лекарства, на благодарности медсестрам, санитаркам. Катя сама им в карманы деньги совала, без этого лежащему больному постель чистую не дадут, пеленку не поменяют, капельницу не поставят.

— Не получится, — мама мотнула головой, — у тебя паспорта нет. — Она посмотрела на часы. — Все, я побежала. — Уже открыв дверь, мама сказала: — Витя вернется в два, и ты в школе не задерживайся. Я сделаю все, чтобы мы уехали сегодня. В четыре от Ивана Андреевича придет машина, если все будет нормально. — И она пошла к лифту.

Катя еще долго стояла возле раскрытой двери. Потом долго мыла туфельки в ведре, долго вытирала. Нет, она не пойдет в школу. Мама, конечно, права, она много пропускает из-за болячек, они к ней цепляются, как репей к штанам, но сегодня она не пойдет.

Катя вошла в комнату родителей, открыла шкаф, вынула папину шинель, надела ее и пошла в свою комнату. Легла на диван, свернулась калачиком и, уткнувшись носом в колючий воротник, закрыла глаза.

— ... Папочка, я кто?

— Моя доченька, — папа целует Катю в нос.

— А еще?

— Мое солнышко.

Катя хмурится:

— А еще?

— Моя куколка.

Катя сердится:

— А еще?

— Моя красавица!

— Плавильно! — Катя смеется и обнимает папу изо всех своих крошечных сил.

Она всегда любила папу больше, чем маму. Почему так получилось с первого дня ее жизни — на этот вопрос никто не

ответит, потому что никто этого не знает, но первое Катино слово было «папа». Еще совсем крохой, проснувшись, она босиком шлепала к телефону, снимала трубку и, услышав голос телефониста, говорила:

— Восьмой отдел.

И ее соединяли. Тогда она еще не знала, что ее папа не только для нее самый большой и самый важный, но и для других дядей и тетей. Тогда она еще не понимала, что папа работает шифровальщиком в «секретке», в отделе документов особой важности, что этот восьмой отдел контролирует секретную службу и что в кабинет к папе имеют право зайти только начальник штаба и командир дивизии, — она всего лишь хотела сказать папе «доблое утло!».

— Доброе утро, моя красавица, — отвечал папа, и она слышала в трубке звук поцелуя.

Поцелуй этот звучал всегда, и Катя, смеясь от счастья, переполнявшего ее маленькое сердечко, умывалась, причесывала белые кудряшки, одевалась и бежала в кухню. А там уже мама целовала ее, тискала и кормила вкуснейшим в мире завтраком.

Но папу она все равно любила сильнее — он будто разговаривал с ней на одном языке, и ему было интересно все, что интересовало ее. Он не сердился на ее бесконечные «почему?», у него она спрашивала, какое платье сшить кукле — красное или белое, длинное или короткое, а однажды он принес домой большую коробку с куклой. У Кати дыхание перехватило: кукла была почти с нее ростом, в длинном белом кружевном платье и с длинными рыжими волосами, которые можно было расчесывать.

— Ой, на маму похожа! — воскликнула Катя. — Я назову ее Людой.

Папа обнял дочку, поцеловал:

— Какая же ты у меня хорошая! Тебе нравится платье Люды?

— Очень. — Катя шупала нежное кружево. — Это свадебное. У меня будет точно такое.

Папа засмеялся. Он смеялся, когда она прыгала из своей кроватки к родителям на тахту, которую называла «тахтюк», с криком «Почему я не летаю?». Он подхватывал ее на руки, подбрасывал вверх, и она летела... Он смеялся, когда, сев на диван, слышал хруст — хрустнули яйца, шесть штук, Катя принесла их из холодильника и положила под диванную подушку, чтобы ро-

дители высидели цыплят, пока телевизор смотрят. Он счастливо смеялся, когда Катя без его помощи проехала на коньках первые несколько метров. Он смеялся, когда в гарнизонном свинарнике родились поросята и Катя назвала их Миша и Люда, а мама рассердилась. И еще он вместе с Катей не ел петушка, Кате этого петушка подарили на день рождения — как же можно есть друга? А потом в гарнизоне на Байкале она подхватила воспаление легких. Воспаление вылечили, но от большого количества лекарств заболели почки, увеличилась печень, и мама повезла Катю в Ленинград, в клинику. Катя пролежала там три недели, ей было плохо, но мамочка была рядом, а папа на бабушкин адрес присылал письма — в одном конверте маме и Кате. За три недели их пришло восемь — это были первые письма от папы. Катя уже умела читать по слогам — папа начал учить ее, когда ей еще пяти лет не было. Прочтя письмо, она целовала строчки, воображая, будто целует папу. Вдобавок она морщилась, представляя, что он небритый. Там же, в больнице, она написала папе восемь ответов, а девятое письмо от него получила, когда ее выписали и она оказалась у бабушки. Одна и не по своей воле.

Анна Ивановна Бойко, коренная ленинградка, жена полковника сухопутных войск, вдова пятидесяти с хвостиком лет, неповоротливая, грузная, забрала невестку и внучку в квартиру с крошечными, несуразно узкими и длинными комнатами, коих там было четыре, и, как показалось Кате, бесконечным темным коридором-кишкой, упирающимся в кладовку. Две комнаты занимала папина родная сестра Лариса с мужем Германом, подполковником сухопутных войск, и дочкой Стеллой, на полтора года старше Кати, и Катя, привыкшая в гарнизонах к быстро созревающей дружбе, едва переступив порог, улыбнулась Стелле и сказала со свойственной ее возрасту, да и Стелкиному, непосредственностью:

— Давай дlužить, я Катя, твоя двоюродная сестла, — и руку ей протянула.

Ну кто такая Катя из захолустья под названием «станция Даурия» для коренной ленинградки Стеллы, ни разу не испачкавшей в песочнице платьице? Двоюродная сестра? И что с того? Стелла в недетском изумлении приподняла темные бровки и посмотрела на свою маму. Ее мама сделала учтиво-брезгливое лицо и ткнула наманикюренным пальцем вправо:

— Ванна здесь. Руки, пожалуйста, вымой.

При мытье рук у Кати смылось желание дружить с противной сестрой, из ванной она вышла насупленная, но за столом это забылось, и она неустанно щебетала, сообщила, что завтра они поедут к папе, что она по нему очень соскучилась и по Витьке тоже. Ложась спать в странной комнате, окном выходящей на кирпичную стену — такого Катя еще не видела: достаточно протянуть руку и коснешься этой стены, — она сначала уложила на подушку куклу Люду, обняла и поцеловала маму, в который раз, с трепетом в маленьком сердце, повторила, что очень любит маму, папу и Витьку, легла на бочок, прижала к себе куклу, подсунула ладошку под щеку, счастливо улыбнулась и сладко уснула.

Проснулась она сама, потому как солнышко в эту комнату не заглядывало, отбросила одеяло и, как была, в маечке и трусиках, пошлепала в коридор и сразу услышала приглушенные голоса, доносящиеся из кухни. Она не могла понять, есть ли среди них голос мамы, но даже спустя много лет она помнила ощущение внезапно охватившей ее паники, страха, покинутости и пустоты. Подгоняемая этим страхом, она толкнула дверь кухни и увидела всех, кроме мамы и дяди Германа.

Мама уехала. Сама. Плача и крича, что это неправда, Катя натянула шубку на маечку, обулась, схватила шапку, встав на цыпочки, попыталась открыть тугую задвижку на входной двери, но тут бабушка шлепнула ее по попе, еще не переставшей болеть от уколов, дала оплеуху и оттащила от двери. Пока бабушка срывала с Кати шубку, Стелла, скрестив руки на груди и выставив вперед ногу, ухмылялась. Тетя Лара, закатив глаза, воскликнула:

— На черта ты согласилась ее оставить? — и, пожав плечами, ретировалась в кухню.

Катя сбросила куклу с кровати и отфутболила ее под письменный стол, туда, где стояла сумка с ее вещами. Некоторое время она посидела в одиночестве, поплакала, а потом попросила бабушку позвонить родителям, но бабушка отказалась — мол, сами скоро позвонят. Несколько дней Катя провела у окна, ковыряя ногтями краску на подоконнике. Если прижаться виском к левому откосу, можно было увидеть маленький кусочек заасфальтированного двора, но ни мама, ни папа на этом кусочке так и не появились. И телефон молчал. Почти все время Катя проводила в комнате и покидала ее только по крайней необходимости, а также чтобы поесть — голод не тетка. Ела она мало — аппетит пропал, и Анна Ивановна

пригрозила, что за такое поведение отправит Катю к черту на кулички, то бишь к родителям, но, увидев радостный огонек в глазах ребенка, тут же поменяла тактику и заговорила о детском доме — мол, он близко, две троллейбусные остановки, вмиг тебя туда определю. Бог его знает, кто ее надоумил это сказать, но Катя испугалась не на шутку и ночью намочила постель. Тетя Лара, перестилая постель, долго ругалась, а Стелла бегала по квартире, фукая и демонстративно зажимая пальцами нос. Пришло девятое письмо от папы — в нем снова было два письма, ей и маме.

Несколько раз Катя пыталась сама позвонить в Даурию, но телефонистки просили позвать кого-то из взрослых, и она клала трубку. Гулять ей не разрешали — на улице конец декабря, а она еще кашляет, давали таблетки, следили, чтобы была сыта, — на этом все, остальное взрослых не интересовало. А Стеллу Катя очень даже интересовала: она приводила в дом подружек и всем рассказывала, что Катя писает в постель. Девочки тоже фукали и старались сунуть нос в дверь Катиной комнаты, за что одна заработала шишку на лбу — Катя перед ее носом захлопнула дверь и Стеллу обозвала набитой дурой. Стелла тут же позвонила своей мамаше на работу, и вечером тетка Лара отругала Катю. В тот вечер Катя впервые не слышала телевизора, и любопытство не только вытолкнуло ее из комнаты, но и довело до двери в комнату тетки, под которой лежала полоска яркого света.

— ...Сейчас же звони Мише, пусть забирает! — шипела тетка. — Она у меня в печенках сидит! Надо же, Людка словом не обмолвилась, что ее девка уссыкается. В общем так, мама, завтра же звони, так дальше продолжаться не может!

— Да что звонить, — буркнула Анна Ивановна, — Миша не хотел ее оставлять, это все Люда.

Катя радостно вскрикнула, и дверь тут же распахнулась настежь.

— Так ты еще и подслушиваешь?! — прогремела тетка, нависая над Катей.

Дядя Герман не вмешивался — он сидел в кресле с газетой, одни ноги видны и макушка.

— Папа не хотел меня оставлять? — спросила она у всех сразу, чувствуя, что сердечко, быстро наполняясь счастьем, вот-вот выпрыгнет из груди.

Тетка схватила ее за плечо, развернула и толкнула в спину:

— Марш в свою комнату!

Катя, по инерции сделав пару шагов, остановилась:
— Здесь нет моей комнаты!

И тут позвонили в дверь. Это был папа. Запыхавшийся, колючий, глаза красные. Шагнул к Кате, подхватил на руки. Она обняла его и забыла обо всем на свете, а через сутки она сидела в купе, прижавшись к папе, и снова была самой счастливой девочкой на свете. А куклу она теперь называла Машей.

Много лет спустя Катя узнала, что таким вот образом мама хотела наказать папу — она получила письмо от подруги, в котором та сообщала, что у папы завелась любовница. Время от времени они у него заводились, но ненадолго — такой уж он был. Но тогда, в конец измотанная болезнью дочки, Люда оставила Катю у свекрови с одной целью: напугать мужа разводом и тем, что запретит общаться с ненаглядной «класавицей». Ну и с сыном, конечно.

Подробности тех дней Катина память потихоньку стерла, но момент, когда она поняла, что мама уехала, бросив ее у чужих людей — так оно и было по большому счету, — запомнился навсегда и приобрел вполне материальную форму ножа, воткнутого в спину. Именно в спину, а не в сердце. Так маленькая девочка это чувствовала и дальше жила осторожно, с оглядкой, каждый день опасаясь нового удара не от кого-то, а от мамы, и отстранение дочери от матери, сначала едва заметное и выражающееся в невинном непослушании, нежелании поцеловать маму, взять за руку, со временем превратилось в железобетонную стену, намертво вставшую между двумя самыми родными женщинами.

Но все это будет потом, а пока семья переезжала из гарнизона в гарнизон и после Кубы оказалась в насквозь пропахшем керосином Баку. Даже в метро им воняло — там везде керосином полмыли, чтобы тараканы не заводились. И не только в метро, в магазинах и кинотеатрах тоже, и это с первого дня тревожило Катю. Тревожило потому, что в гарнизоне на Байкале от ожогов умер солдат — он постирал форму в керосине, чтобы смыть пятна краски, а когда надел, решил закурить, чиркнул спичкой — и все, нет солдата. Первые дни она пугалась любого огня — спичек, газовой плиты, все ждала, что загорится дом, мебель, но постепенно испуг прошел, а папа все чаще повторял, что вскоре они осядут. Где? Неизвестно — как судьба сложится. Но, как бы судьба ни сложилась, они будут жить в большом красивом городе в своей собственной квартире, и в этой квартире у Кати будет своя комната.

Из Баку они уехали через полгода, вернее, бежали. Только обосновались в новом гарнизоне под Харьковом — туда папу взял его друг, Иван Андреевич, начальник гарнизона, только узнали дату получения четырехкомнатной квартиры — октябрь девяносто первого, как пришел август, и папа первый раз в жизни вернулся домой пьяный и с клеткой в руках. В этой клетке сидел волнистый попугай. Увидев Катю, попугай поднял гребешок и закричал во всю глотку: «Папаша, давай выпьем!» Звали попугая Гоша, и поселился он в детской комнате. С Гошей было весело, он умел смеяться, вернее, хохотать, а папа смеяться перестал. Однажды Катя услышала разговор родителей в кухне:

— Люда, я все понимаю. Понимаю, что той страны, на верность которой я присягал, уже нет, но я не могу давать присягу два раза. Прости, родная, не могу.

Мама что-то шептала про семью, детей, спрашивала: куда теперь с ними — на улицу? Плакала, а папа больше не сказал ни слова. Через месяц папа не пошел на работу — он уволился. Витька бурчал, что теперь их вышвырнут на улицу, что квартиру не дадут и они станут бомжами. А Катька возьмет Гошу и пойдет на базар или в метро попрошайничать — мол, девчонке с попугаем дадут больше, и надо, чтобы Гоша говорил: «Подайте голодному попугаю!» Катя расплакалась и брату не поверила — папа не позволит, чтобы им было плохо, папа может все, потому что он самый лучший. Правильно сделала, потому что вдруг папа и мама перестали ссориться и в субботу вечером к ним пришел Иван Андреевич, вполне нормальный дядька, не солдафон какой-то. Он долго снимал ботинки в прихожей — эту прихожую папа шуточно называл «третий лишний», потому как в ней с трудом могли поместиться два человека. Снял, попросил тапочки, погладил Катю по голове, сказал, что она похожа на Мальвину, пожал Витьке руку, заметил, что у него уже мужское рукопожатие, отчего Витька свою тщедушную грудь выпятил колесом. Витька и Катя сидели в своей комнатушке, которую тоже можно было назвать «третий лишний», и, набросив покрывало на клетку, гадали, зачем это сам начальник к ним пожаловал, он же подписал папино заявление... Через несколько минут они услышали мамины возгласы:

— Иван Андреич, родной, спасибо!

— Спасибо, Ваня, — пробасил папа сдавленным голосом.

— Брось, Миша...

— Ну как же! — воскликнула мама. — Вы нас спасли.

— Людмила Сергеевна, это не я вас спас, это все Михаил Львович, его благодарите. Без таких людей, как он, наша армия превратится в бардак, — он шумно вздохнул, — уже превращается. Кстати, вам гараж нужен?

— Конечно, но мы сейчас вряд ли гараж потянем, — сказал папа.

— А потом тем более не купите. Вот что, это номер телефона моего хорошего знакомого, у него два гаража прямо возле вашего дома, один он сдает. Поговорите с ним, может, продаст.

— Спасибо...

Катя с Витькой переглянулись и, не сговариваясь, выглянули в коридор, а дверь в комнату родителей уже была открыта и на пороге мама топталась.

— Разве что недолго, — проскрипел Иван Андреевич.

— Конечно недолго, — затараторила мама, — полчаса... такое дело надо обмыть... Чем богаты, тем и рады. — Мама вышла в коридор, за ней Иван Андреевич и папа. — Дверь закройте! — бросила она, проходя мимо Кати с Витькой, и они испуганно нырнули в свою комнатку.

Перед сном мама рассказала, что Иван Андреевич приходил не просто так, а сообщить, что ордер на квартиру они получат в понедельник, а во вторник могут переезжать.

Частые переезды научили семью Бойко все делать быстро и слаженно, и в следующую субботу они завтракали за своим новеньким столом в собственной новенькой квартире на пятом этаже девятиэтажного дома. Здесь все еще пахло побелкой и масляной краской, и впервые в жизни эти запахи были не раздражающими, а успокаивающими и даже радующими. Запахи эти сближали, дарили надежду, что все теперь будет хорошо. Так уж устроен человек — свой дом, свои стены, своя крыша, свой коврик перед порогом, свой шум бьющего в окно дождя и свое завывание ветра в дымоходе наполняют сердце тихим счастьем. Тем самым, на котором, как на хорошо удобренной почве, пускают ростки душевный покой, любовь, надежда на добрые перемены, на прибавление в семействе. Это счастье раскручивания спирали под названием жизнь.

Спираль семьи Бойко раскручивалась медленно, так как этому мешали многие препятствия, и одно из них, довольно важное, называлось военная пенсия. В феврале, купив гараж в рассрочку на

полгода (наверное, и тут без вмешательства начальника гарнизона не обошлось) и закончив ремонт в квартире, папа поехал в Санкт-Петербург, чтобы оформить пенсию. Мать встретила его приветливо, а сестра с мужем — настороженно. Почему? Да потому что Лара как огня боялась, что брат заведет разговор о квартире — все-таки Ленинград, а не какой-то там Харьков. Мол, возьмет и привезет сюда свою убогую жену и не менее убогих деток — что тогда делать? Она считала, что жить в Ленинграде — это все равно что на Олимпе, где-то рядом с богами, а пораскинув своим умишком, сообразила, что брат имеет на родительскую квартиру такое же право, что и она. Вот и тряслась Лариса, мечтающая только об одном — стать генеральшей и чтобы все ей завидовали, — над квартирой в старом доме, про которую сразу и не скажешь, что она четырехкомнатная. Герман, выросший в захолустье и яростно рвущийся к генеральским погонам, шурина тоже не любил. Не только из-за возможных посягательств на жилье, а и потому, что видел в нем то, чего в себе даже при помощи лупы разглядеть не мог, — порядочность. Казалось бы, коль разглядел в человеке такое качество, не бойся, но Герман не бояться не мог — по себе судил, и потому каждую ночь супруги озабоченно перешептывались и гадали, что теперь будет. Гадание это, мерзопакостное и бессмысленное, опустошило души Германа и Ларисы до такой степени, что они едва разговаривали с Мишей. Беря пример с родителей, Стелла тоже не жаловала дядю, а бабушка продолжала свою полусветскую-полупенсионерскую жизнь, плюя на всех сверху, потому как она действительно была сверху и в любую минуту могла выставить из квартиры и сына, и дочку с мужем. Зятя, в первых рядах присягнувшего на верность новому государству, она презирала, а сына поддерживала, потому как в ее жилах текла кровь деда, в семнадцатом году выбравшего смерть, а не службу большевикам.

Дело двигалось медленно, деньги заканчивались, и Миша нанялся продавать газеты. Место ему отвели недалеко от дома, возле метро «Площадь Восстания», в старом районе, кишачем пенсионерами, и вскоре у Миши появились друзья-собеседники, желавшие с умным человеком поговорить «за жизнь» и про себя рассказать. Военная выправка Миши видна была за километр, покупатели проявляли к нему уважение, а дамочки строили глазки. Он тоже строил, не всем подряд, а особо интересным.

Свидания не только возвращали его в те времена, когда он был тот еще ходок, — налево он всегда ходил, дивясь, почему Люда слова поперек ни разу не сказала, — а и не позволяли окончательно упасть духом.

Упасть духом было от чего — ему все чаще «тыкали» и хамили. «Тыкал» и хамил хозяин, «тыкал» кладовщик, выдающий товар, «тыкали» покупатели, а дома Лариса устраивала истерики:

— Ты позоришь нашу семью!

Мама возражала:

— Лара, друг твоего прадеда, один из князей Юсуповых, в Париже извозчиком работал и не считал это позором.

— Так пусть у себя в Харькове работает, а мне перед людьми стыдно! — Лара театрально заламывала руки.

— Вместе со спермой мужа тебе передалось его холопство, — чеканила Анна Ивановна, сверля дочь недобрим взглядом.

И Лара опускала руки, потому как знала маму, знала ее крутой нрав, а также то, что она едва терпит Германа. К тому же Лара не рассчитывала, что страна развалится, их вытурят из Венгрии и придется жить под одной крышей с мамой без перспектив на свое жилье.

Может, кому-то плевать на то, что незнакомец говорит тебе «ты», плевать на хамство, но не Мише, выросшему в петербургской семье потомственных военных, служивших верой и правдой еще царю и отечеству, и однажды он не смог не ответить на хамство.

— ... Дай «Комсомолку».

— Продана.

То ли подвыпивший, то ли уколотый покупатель с пушком над верхней губой, растопырив пальцы и выпучив мутные глаза, начал качаться из стороны в сторону, как маятник:

— Слышь, ты, мудака, я не понял ... Мне газету...

Монолог прервал кулак Миши. Тут же подскочил мент — он брал газеты бесплатно, — одной рукой оторвал мутноглазого от асфальта, перетащил на другую сторону улицы, что-то сказал, пинком обозначил вектор движения и вернулся.

— Миша, ты поосторожней с наркоманами, такой и заточку под ребро сунуть может. — Менту позволялось «тыкать»: он охранял Мишу.

Заточку под ребро не сунули, но по голове дали — в суматохе, когда стемнело и из дверей метро, обтекая Мишу, повалил серо-

лицый, уставший и торопящийся народ. Никто не остановился, когда продавец прессы, сидящий в решетчатой арке, густо увешанной газетами и журналами, ткнулся носом в столик, но вот десятка полтора газет и журнальчиков «дернули». И дергали б еще, но тут тетка, решившая что-то честно купить, увидела кровь, растекающуюся по «Мурзилке». Увидела, заголосила, примчался мент-охранник, и через два часа Миша с забинтованной головой лежал в травматологическом отделении Городской больницы скорой помощи. Придя в себя, он попросил позвонить маме, а потом принести ему бумагу и ручку.

— Зачем? — удивилась медсестра.

— Дочке письмо напишу, я ей каждый день пишу, она живет в Харькове. Она у меня очень хорошая...

Это письмо, самое короткое из всех, он писал долго, прерываясь из-за нарастающей боли в голове, в глазах, но написал. Как раз примчалась встревоженная Анна Ивановна, и он попросил ее это письмо отправить. Надо сказать, что Анна Ивановна невестку не жаловала, да и внуков тоже. Во-первых, потому, что Люда была из семьи непотомственных военных и Анна Ивановна называла свата, хоть никогда его не видела, самодуром. В этом было много правды: отец Люды, начальник тюрьмы, отличался непомерной жестокостью — дома установил тюремные порядки, не говорил, а отдавал приказы, бил жену и детей, коих было двое. Побьет, покуражится, потом поставит к стене всю в синяках, обливающуюся слезами жертву, положит на голову надкушенное яблоко и целится в него из револьвера. И попробуй шевельнуться! Если яблоко упадет на пол — еще один синяк обеспечен. Целится долго, а потом как бахнет! Люда несколько раз описывалась. Любил приоткрыть дверь и подслушивать, подглядывать в щель. Дети об этом знали, но виду подавать нельзя было, и они продолжали читать, играть, изо всех сил стараясь скрыть дрожь. Уже после смерти отца, окончив школу, Люда сбежала из дома, уехала из Краснодара в Ленинград, к подруге покойной бабушки, и больше ни маму, ни брата не видела. Первое время она отправляла маме письма, но ни разу ответа не получила, так что теперь у Кати с Витей была только одна, питерская бабушка, да и то условная. И еще Анна Ивановна не жаловала Люду по той причине, что у нее не было высшего образования, а это не укладывалось в голове Анны Ивановны, потому как человек без высшего

для нее был чем-то вроде говорящей обезьяны. Но письмо Анна Ивановна отправила.

Катя запомнила это письмо, потому что почерк папы был каким-то другим, буквы были написаны криво, без привычного нажима. Таким почерк был у папы, когда он лежал в больнице с повреждением позвоночника, — поздним вечером, в крошечной темноте, он возвращался домой, ударился лбом о сломанную, низко висящую ветку и упал навзничь прямо на камень. Когда папу выписали из больницы, он долго ходил в корсете, кривился от боли, и Катя тайком от всех плакала и молила Боженьку помочь папе. Боженька помог — папа снял корсет, начал бегать, но вот тяжести носить ему было нельзя. Читая письмо, она чувствовала: с папой что-то не так, хотя ничего тревожного в теплых строках вроде бы не было.

Здравствуй, родная моя девочка, мой ангелочек! Часто перечитываю твои письма. Доченька, ты пишешь очень интересно, получается целый рассказ. Ты у меня талантливая, ты умница. Как твое здоровье? Не кашляешь? Одевайся тепло, береги себя, я скоро приеду и больше никогда не уеду. Скажи маме, что я купил ткань на штормы, как она просила. Еще скажи, что вчера я не звонил, потому что допоздна был занят. У меня все хорошо, бабушка здорова, передает тебе привет. Поцелуй маму и обними брата.

Любящий тебя папа. Пиши. Очень жду.

Маме он писем не писал, он ей звонил. О том, что папа в больнице, что ему повезло — рана неглубокая, только кожа рассечена и он отделался сотрясением мозга, Катя узнала от мамы и с опустошающей, ледящей душу ясностью внезапно поняла, что папа не вечен, что он может оставить ее. Что тогда с нею будет?

Папа вернулся, когда мама сажала под окнами астры. Попугай Гоша тут же предложил выпить, но сначала папа достал подарки, а потом семья села пить чай с тортом «Ленинградский». Папа из командировок всегда привозил подарки, но на этот раз Катя, получив красивую серо-красную сумочку на длинном ремешке, не радовалась, а снова тревожилась, как тогда, читая самое короткое папино письмо. Наблюдая за Витей, примеряющим куртку, она краем глаза поглядывала на папу, и ее детское сердце сжималось от нехорошего предчувствия: в папе что-то необратимо поменя-

лось. Вроде и походка та же, и жесты, и улыбка, и наклон головы, и смех, но он стал другим, и это пугало. Пугало своей негромкой и отдаленной настойчивостью — так бы ее испугали листья, внезапно кинувшиеся к ногам в спиральном вихре ветра, мгновение назад не существующем и вдруг заявившем о себе столбом пыли. Так заявляет о себе буря, еще незаметная, но уже близкая, и перед этой бурей Катя была бессильна, ей оставалось только наблюдать за ней, как вот сейчас она наблюдала за Витей, папой и мамой. Она не могла остановить бурю, не могла изменить ее направление — она могла только укрыться от нее, чтобы и ей не досталось...

Бедная девочка еще не осознавала — она потом это поймет, — что от бури, разнесшей в клочья мир ее отца, а значит, и ее мир, спрятаться невозможно. От нее не спрятались миллионы ни в чем не повинных людей, буря эта повергла в пучину нищеты и разрухи миллионы жизней, жизней конечных, не продлевающихся по мановению волшебной палочки на двадцать, тридцать лет, чтобы наверстать упущенное. Люди жаждали счастья здесь и сейчас, а не в размытом будущем. Они готовы были своими мозгами и руками строить самое бесценное — собственный мир, счастье, семью, но им это не удалось. Им просто не повезло — они оказались в этом проклятом времени, которое вроде бы текло по своим законам, но вместе с тем ядовитым, кислотным потоком протекало через их сердца и разум.

Все чаще Миша рано утром приходил с автостоянки, на которой работал ночным сторожем, «под градусом», как говорила беременная в очередной раз дочка Исааковны, или «пьяный, как свинья», как выражалась Кузьминична. Однажды он потерял сознание и сильно испачкался, так как упал в грязь, а грязи этой в новом микрорайоне было предостаточно. Потом случилось совсем непонятное — выпил, вырубился, очнулся, — а напарник сказал, что у него припадок был, похожий на эпилептический, что его пришлось держать, так как он мог прикусить язык. Язык Миша не прикусил, но голова сильно болела и во всем теле ощущалась страшная слабость.

— Тебе, Миша, пить нельзя, — сказал напарник, — это, друг мой, эпилепсия. Мой знакомый страдает от нее, так ему даже глотка пива нельзя.

До утра Миша отлеживался в каптерке. Пришел домой, а там никого — Люда уходила на работу в восемь, Витя с невесткой —

еще раньше, чтобы дочку свою отвести в садик и успеть на первую пару: они уже были пятикурсниками. Катюша в школу ушла, потому как теперь ей полчаса до нее топать. Если напрямую, по пустырю, так за пятнадцать минут можно дойти до школы, которую было видно из окна их квартиры, но напрямую — это, без преувеличения, по колено в грязи, так что Катя шла в обход и как-то сказала, что она делает семнадцать поворотов. Катюша была уже в девятом классе, а дальше десятый, одиннадцатый и медицинский институт, как мечтал Миша и обещал костями лечить ради дочкиного образования, потому что других вариантов не было — семья оказалась на грани нищеты. Невестка же эту грань не замечала, она видела себя в изолированной квартире и грызла Витю за то, что его отец складывал денежки «под задницу», чтобы Катю, уродину и непробиваемую дуру, взяли в медицинский на контракт, вместо того чтобы разменять четырехкомнатную на две «двушки» с доплатой. Ну и дать денег на мебель. Ирина считала придуманное ею самой обучение Катюшки по контракту верхом несправедливости, потому как они с Витей смогли без посторонней помощи поступить в экономический институт на бюджетное отделение. А уродиной и душой она называла ее по той причине, что Катя часто болела, вид имела нездоровый и пропускала занятия в школе. Но она всегда наверстывала упущенное. Бывало, пару месяцев подряд пропускала, а все потому, что совсем крохой, в возрасте шести месяцев, она простудилась в холодном поезде — переезжали в очередной гарнизон. Тогда Катя подхватила воспаление легких, такое тяжелое, что врачи сказали: она не выживет, а бабка, к которой пришибленные горем Люда и Миша повезли малышку, вообще чуть не убила словами:

— Не расстраивайтесь, еще родите.

Но Катюша выжила и однажды, когда сидела у отца на коленях, а он читал ей сказку, положила ладошку на страницу, подняла глаза и спросила:

— Папа, а почему ты мне больше не рассказываешь сказку про Отче наш?

У Миши мороз по коже — Катя не могла слышать молитву, потому что он никогда вслух ее не произносил. Этой молитве его научила бабушка и посоветовала: мол, внучек, лучше будет, если ты ее про себя... Кроме молитвы, бабушка научила его французскому и немецкому и тому, каким должен быть настоящий муж-

чина и настоящий офицер. Миша закрыл книжку и, глядя дочурке в глаза, начал:

— Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое...

Она подхватила, и они вместе, на одном дыхании, произнесли святые слова. Может, молитва была тому причиной, а может, то неведомое, непостижимо прекрасное, чем окружает любящий отец маленькую дочку, но в душах взрослого мужчины и крошечной девочки в тот тихий зимний вечер родилось что-то теплое, солнечное, заметное только им и только между ними разделяемое.

— Папа, я выласту и буду влачом, я буду тебя лечить, — говорила маленькая Катя.

— От чего, доченька?

— У тебя спинка болит. — В глазах Кати стояли слезы.

— Договорились, — он поцеловал Катю в носик.

— ... Папа, я буду врачом, я буду тебя лечить, — говорила Катя-подросток.

— От чего, доченька?

— Ты пьешь, а это болезнь, вот от нее я хочу тебя вылечить.

— Прости меня, родная, я плохой отец... — это все, что он мог сказать.

— Нет, ты самый лучший, ты просто болен.

Так с ним разговаривала только Катя, а остальные называли его «алкоголик проклятый». Даже сын так говорил. Не в глаза, а в своей комнате. А слух у Миши был все еще отменный. Да, он алкоголик, но бороться с этим не будет. Иногда он хотел пустить себе пулю в лоб, но, увы, табельное оружие он давно сдал и временами страшно завидовал прадеду, который одним выстрелом решил свои проблемы в январе восемнадцатого года. Размышляя об этом, он ловил себя на мысли, что ему все равно, что будет с Людой, с Витей — они выживут, а вот Катюша... Но даже ради нее он не то что не мог бросить пить, нет... Он просто не мог больше жить, потому что не видел в этом смысла: все, во что он верил, чему отдал жизнь, знания, сердце, да всего себя отдал, — все развалилось. Он не мог видеть, как генералы от сохи разрушали самое святое в стране — ее защиту, как дербанили звания и должности, лишь бы быть поближе к кормушке, лишь бы успеть награть, а там хоть трава не расти. Продавали все, начиная от ушанок и заканчивая танками, самолетами, секретами. Но не это было самое страшное — самое страшное заключалось в том, что смутное время вытолкнуло на

поверхность, к власти, малообразованных, наглых, продажных самодуров, не имеющих даже малейшего понятия о чести. Не только военной, но и обычной, человеческой. Предвидя страшные времена, Миша не хотел принимать во всем этом участия и потому покинул армию, оправдывая свой поступок коротко:

— Я уже давал присягу.

На самом деле он присягнул бы новому государству, если бы был уверен, что его знания, его принципы ценятся. Если бы видел рядом офицеров, а не красномордых свиней, неспособных «после вчерашнего» двух слов связать и все время рыщущих глазками в поисках того, что плохо лежит.

После припадка Миша не напивался до положения риз — он пил в меру, так, чтобы мозги слегка отшибло и чтоб говорить мог, но Люда выселила его в гостиную. А Ирина все чаще и все громче, чтоб до его ушей долетало, скандалила с Витей, заявляла, что с алкашом под одной крышей жить не будет, требовала квартиру, кричала: ты муж — ты обязан! Грозилась подать на развод и уехать к маме в Казахстан. Миша считал, что пусть бы и ехала, она плохая жена, хоть и дочь военнослужащего, — с такой супругой в разведку не пойдешь. Сказал он это сыну, а сын ему: «Ты на себя посмотри!» И только однажды Миша не пил целых три недели. Из-за Кати — ее в школе обидели, вернее, избили.

Трудности начались, как только в школу пришла новая учительница. Перед этим Катя пропустила из-за болезни почти два месяца. Учительница эта, англичанка Зубенко Майя Максимовна, стала Катиной классной руководительницей, дочку свою Матильду — имя у нее такое — в класс привела и, засучив рукава, принялась вводить новые порядки. Была у учительницы такая тактика: через учеников подчинить родителей, но для начала она вылепливала из учеников послушных, безмолвных существ. Начиналось с замечаний при всех, замечаний весьма едких: у тебя плохая прическа, тебя что, мама (папа) стрижет? Твой фост — так она произносила «хвост» — хуже, чем у старой лошади. Форма у тебя старая, в ней стыдно ходить. Твой хвартух — это означало «фартук» — плохо сидит. Туфли у тебя стоптанные, пусть родители купят новые. Вслед за этим она заявляла: от тебя воняет потом. Девочке при мальчиках, брезгливо морща нос: иди подмойся. Понять, что двигало этой обиженной судьбой женщиной, можно было разве что с помощью психиатра. Говорили, что

она живет с дочкой, что с ней не общаются ни бывший муж, ни родители, ни сестра. Что у нее нет ни подруг, ни собаки, ни кошки и что с предыдущего места работы ее выперли с треском. Но понять, почему свою ненависть к миру она обратила на детей, было невозможно. Также невозможно было понять, почему директор школы приняла Зубенко на работу, да еще дала ей восьмой класс, ведь в школе, где она работала раньше, ученики из ее класса переходили или в другой класс, или в другую школу. Все эти непонятности удивительным образом были созвучны тому, что пышно расцветало вокруг, печаталось в газетах, лилось из уст соседей и чем кормили из телевизора, и Мише эта созвучность казалась вакханалией безумия, от которой никуда не спрячешься, потому что живешь в ней, ешь ее и дышишь ею. Но самым печальным было то, что в непонятностях, как и в вакханалии, истинного безумия не было, а были примитивный расчет и жадность. Так что, пока кучка бандитов разворовывала огромную страну, Майя Максимовна выколачивала подарки и деньги из родителей тех учеников, которые ломались, и делилась с директрисой. Вот и все.

Увидев, что Катя изо всех сил старается наверстать пропущенное за время болезни, Зубенко принялась занижать ей оценки по своему предмету, но этого ей показалось мало, она и других учителей просила это делать. Катя пожаловалась маме: мол, хорошо отвечала, а все равно тройка, и что только Надежда Степановна, учительница русского языка и литературы, не занижает ей оценки.

— Никто тебе ничего не занижает, учить надо лучше! — буркнула мама и пошла цветы поливать.

Папе Катя не стала об этом рассказывать, пожалела — ему и так паршиво. После того как ему диагноз поставили — эпилепсия, он совсем сник, похудел... Она занималась до поздней ночи, повторяла уроки за завтраком, но по английскому, истории, математике, а вскоре и по другим предметам, кроме русской литературы и биологии, успеваемость ее твердо катилась вниз. Начались придирки к прическе — мол, «фост» носить нельзя, надо косу заплетать. К длине юбки — слишком короткая, а она была в самый раз, длиннее, чем у Матильды. В спортивной раздевалке девочки увидели, что один палец на Катиной ноге кривой — таким он был с рождения, и стали дразнить криволапой. Зубенко молчала и ухмылялась, ухмылялась и ее дочка, и тут, как на беду, в класс пришел новенький, Игорь, и дочка Зубенко по уши в него влюбилась.

А Игорь влюбился в Катю, каждое утро ждал ее возле школьных ворот, после уроков провожал домой — в общем, все видели, что происходит. Приближался День вооруженных сил, надо было подарки готовить, и Катя спросила у папы:

— Как ты считаешь, что можно подарить Игорю?

Миша подумал, вспомнил себя в школе, как девочка ему вязанный шарф подарила, и посоветовал:

— Свяжи ему шарф, по-моему, это хороший подарок.

Катя загорелась идеей, к тому же денег на это пойдет немного. Она купила на базаре шерсть вишневого цвета, Игорю этот цвет очень даже к лицу. Посоветовалась с Надеждой Степановной — это она научила Катю вязать, и за четыре вечера связала прекрасный шарф, а Надежда Степановна бахрому сделала.

Наконец наступил праздник. После уроков было классное собрание, потом самодеятельность — девочки поздравляли мальчиков, читали стихи. Традиционно все завершалось любимой песней Майи Максимовны: «Песню дружбы запекает молодежь... Эту песню не задушишь, не убёшь...» — Майя Максимовна проглотила мягкий знак и тянула дрожащее сопрано, от которого на зубах оскомины, во рту кисло и хочется в окно выпрыгнуть. После этого началось вручение подарков. Майя Максимовна и тут внесла коррективы: мальчики выстроились вдоль доски, а девочки подходили по одной и вручали подарки, а раньше все за партами происходило. Девочек в классе было больше, чем мальчиков, поэтому мальчики-подлизы, они же дутые хорошисты-отличники, получили по два подарка. Миша как-то удивился: Зубенко совсем чокнутая? Судя по всему, совсем: как только Игорь, весь красный, развернул шарф и обмотал вокруг шеи, Майя Максимовна и Матильда, как по команде, залились на редкость искусственным смехом — даже у совы веселей получается.

— Игорь, — завопила Матильда, показывая пальцем на шарф, — ты будешь это носить? Ха-ха-ха!

— Ха-ха-ха, — подтявкнула мамаша.

Игорь снял шарф, скомкал, в пакет сунул. Что в ту секунду двигало Катей, она так и не смогла потом себе объяснить, но, глядя на Игоря, она медленно, чуть ли не по слогам, произнесла:

— Я сама вязала.

Глаза у Игоря забегали, он стал тереть нос, дергать плечами, на губах блуждала дурацкая усмешка. Матильда со злорадной

ухмылкой смотрела на Катю. Не раздумывая, Катя вырвала пакет из рук Игоря.

— Я знаю, кто это будет носить! — заявила она, сунула пакет с шарфом в портфель и выскочила из класса.

Она шла домой, глотая слезы. Вечером, видя ее состояние, мама спросила, что случилось. Катя рассказала. Мама посоветовала быть покладистой и не нарываться. Кате такой совет не понравился, и она все рассказала папе. Он нахмурился, обмотал шею шарфом, поцеловал Катю, сказал, что лучшего шарфа у него в жизни не было, и ушел на дежурство.

Но на стоянку он пошел не сразу, сначала заглянул к учительнице русской литературы Надежде Степановне, которая жила на четвертом этаже, прямо под ними. Ее все уважали, потому как на лавочке она не сидела, сплетнями не кормилась. На ее допотопное потертое пальто и много раз чиненные туфли народ реагировал по-разному, но недоброжелателям рот закрывала Кузьминична, многозначительно прошептав вслед Надежде Степановне: «Пана видно по халявам!» — и подняв указательный палец.

— Будь моя воля, Михаил Львович, — учительница откинулась на спинку стула, — я бы у этой лицемерной твари со скрипучим голосом и любовью к самодеятельности отняла бы диплом, порвала на мелкие кусочки, а саму привязала к дереву. — В ее глазах горели недобрые огоньки. — И разрешила бы всем, кого она обидела, кинуть в нее комок грязи. Будьте уверены, сам Хепс позавидовал бы высоте ее могилы. — Надежда Степановна скрипнула зубами и коснулась сморщенной ручкой Мишиной руки. — Забирайте Катю из этой школы. Это не школа — это зловонное болото, погибель всему хорошему, поверьте мне. Так было с самого начала, но сейчас стало еще ужаснее. — Она убрала руку. — Я не уйду, потому что меня не трогают. Пока не трогают. И еще... У дочки вашей особый литературный талант. Я давно такого не встречала, поверьте.

Миша пожал плечами:

— Времена надвигаются тяжелые, и литературой на жизнь не заработаешь. — Он поднялся на ноги. — Спасибо, дорогая соседка, мне на работу пора.

Миша решил немедленно перевести дочку в другую школу, ту, что за пустырем, но тут вылезла очередная неприятность —

вернувшись домой с дежурства, он застал Катю в ужасном состоянии: грязная, взлохмаченная, она сидела на табурете в коридоре и, держа в руках весеннее пальто с наполовину оторванными воротником и рукавом, горько плакала.

Через полчаса Миша стоял в кабинете директора школы, а Катя — за дверью.

— Или вы приводите сюда Зубенко с дочерью, или я сейчас иду в милицию и пишу заявление, — спокойным, ледяным тоном произнес Миша, скользя по директрисе взглядом, которому его научил отец-полковник.

Директриса молча вышла из кабинета и вернулась с Зубенко и Матильдой.

— Принесите пальто вашей дочери, — потребовал Миша у Майи Максимовны.

— Что вы себе позволяете? Что вы тут раскомандовались? Я сейчас милицию позову! — заверещала Зубенко.

Верещание остановила директриса, процедив сквозь зубы:

— Делайте, что вам велено.

Принесли.

— Катюша, иди сюда, — сказал, выглянув в приемную, Миша.

Катя вошла, держа в руках свое рваное и грязное пальто.

— Это она порвала? — Миша указал на Матильду.

Катя кивнула.

— Катюша, надень пальто и пусть ваша дочь тоже наденет, — сказал он, повернувшись к Зубенко.

Снова верещание, которое снова останавливает директриса. Матильда надела пальто.

— Катюша, оторви воротник и рукав.

И Катя оторвала, хотя ей и пришлось изрядно попытеть.

После обеда Миша забрал уже готовые документы и на следующий день отвел дочку в школу за пустырем.

Все наладилось. Вернее, в школе у Кати наладилось, но не дома, потому что однажды Катя вернулась из школы, а папы нет. Она побежала на стоянку, где ей сказали, что его «скорая» забрала. Катя позвонила маме и помчалась в больницу. Дежурная медсестра выслушала, пробежала глазами список больных и сказала:

— Бойко Михаил Львович в отделении политравмы. У тебя халат есть?

Літературно-художнє видання

ВІНК Таня
Забери мене з собою

Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *О. В. Приходченко*
Редактор *В. М. Комісарова*
Художній редактор *В. О. Трубчанинов*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 26.09.2018. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Агро». Ум. друк. арк. 13,44. Наклад 5000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПрАТ «Білоцерківська книжкова фабрика»
09117, м. Біла Церква, вул. Леся Курбаса, 4
впроваджена система управління якістю
згідно з міжнародним стандартом DIN EN ISO 9001:2000

Литературно-художественное издание

ВІНК Таня
Забери меня с собой

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Приходченко*
Редактор *В. М. Комиссарова*
Художественный редактор *В. А. Трубчанинов*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 26.09.2018. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Агро». Усл. печ. л. 13,44. Тираж 5000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а. E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ЧАО «Белоцерковская книжная фабрика»
09117, г. Белая Церковь, ул. Леся Курбаса, 4
внедрена система управления качеством
согласно международному стандарту DIN EN ISO 9001:2000

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду



Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

*Приглашаем к сотрудничеству
авторов*

e-mail: publish@ksd.ua

*Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов*

e-mail: editor@ksd.ua

Катя працює на відомому харківському ринку «Барабашово». Вона мріяла стати лікарем, але доля розпорядилася інакше. Помер батько, який душі не чув за донькою, а з матір'ю Катя не ладнала. У медичний дівчина так і не вступила, зате в приймальній комісії інституту зустріла своє кохання — Юру. Тоді їй здавалося, що це на все життя, однак закохані розлучаються... Катя знайомиться з чоловіком, таким схожим на покійного батька: сильним, надійним, за ним — як за кам'яною горою. У неї буде дитина — і знову все руйнується. Що чекає на Катю? Біль, розчарування, самотність? Чи все-таки щастя?

Винк Т.

В48 Забери меня с собой : роман / Таня Винк. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 256 с.

ISBN 978-617-12-4983-7

Катя работает на знаменитом харьковском рынке «Барабашово». Она мечтала стать врачом, но судьба распорядилась иначе. Умер отец, не чаявший души в дочери, а с матерью Катя не ладила. В медицинский девушка так и не поступила, зато в приемной комиссии института встретила свою любовь — Юру. Тогда ей казалось, что это на всю жизнь, однако влюбленные разлучаются... Катя знакомится с мужчиной, так похожим на покойного отца: сильным, надежным, за таким — как за каменной стеной. У нее будет ребенок — и снова все рухнет. Что ждет Катю? Боль, разочарование, одиночество? Или все-таки счастье?

УДК 821.161.1(477)



Эля была влюблена в Шуру еще со школы. Однако началась война — и судьба разделила их. Шура пропал без вести. Шли годы, девушка не могла забыть о первой любви. Казалось, что она больше никогда и никого не сможет полюбить так сильно. Встреча с Юрой изменила ее жизнь. Наверное, вот оно, счастье — свой дом, любящий муж, сынишка Сашенька. Но внезапно в жизнь Эли врывается Шура — живой... Спустя долгих тринадцать лет. Женщина понимает, что все еще любит... Как быть дальше? Ведь не зря говорят: если любишь — отпусти. А сердце разрывается на части...

Чтобы понять, что встретил настоящую любовь, не нужно много времени. Дима приехал сюда, в одесский санаторий, накануне собственной свадьбы. И встретил ее... Настю, добрую, нежную девушку, много пережившую в детском доме, но не разучившуюся любить... Они расстанутся навсегда, когда невеста Димы сообщит о беременности. Ребенок не должен расти без отца, ведь Настя знает, как это больно... Почти тридцать лет Дима проживет не своей жизнью вместе с нелюбимой. Почему в другом городе ему лучше, чем дома? Но однажды он случайно столкнется с девушкой и не сможет отвести глаз — так похожа она на его первую и единственную любовь...



Надя и Борис встречаются почти два года. Он женат, у него есть дети, престижная работа, перспектива собственного бизнеса... Борис говорит, что не может сейчас бросить семью, а Надя, не избалованная хорошим отношением и нежностью, приучила себя ждать и полностью доверилась ему... Но любимый обманул. Тогда она явилась в ресторан, где Борис с женой праздновал годовщину свадьбы, и устроила там скандал... Все ее мечты о совместной жизни с Борисом разрушены. Он оказался предателем и негодяем, а Надя чувствует себя несчастной и опустошенной. Но женщина не знает, что уже долгие годы ее ищет любовь, которую она когда-то упустила...